

МИР, КОРОНОВАННЫЙ ВИРУСОМ

Круглый стол Изборского клуба

Окончание. Начало — на стр. 1

Михаил ДЕЛЯГИН.

Деньги утрачивают значение, уступая место технологиям (в первую очередь технологиям социальной инженерии) и социальным платформам — то есть социальным сетям, которые используются для управления большими массами людей. Фейсбук, возникнув в 2003 г., к 2010-му уже имел большой опыт подобных экспериментов. И когда сотрудники Гугла обещали не дать избраться Трампу, — это не похвальба, а реальность.

Рынок ждёт судьба насилия, которое, если совсем грубо, было основным общественным отношением в раннем Средневековье. Некто с мечом приехал в безоружную деревеньку, порубил несогласных и заставил остальных на себя работать; у кого меч — тот феодал. Потом общество усложнилось, и основным отношением стал обмен. Насилие сохранилось, но перформативало свою доминирующую роль. Оно значимо — настолько, что государство присвоило монополию на него. Но главное общественное отношение уже — обмен. И он стал полностью неэквивалентным, так как рынок весь монополизирован, а монополия есть отрицание эквивалентности обмена. Таким образом, доминирование рыночных отношений уходит в прошлое.

Маркс грезил коммунизмом, и многие сегодняшние реалии по форме, несмотря на извращённость содержания, прямо соответствуют его мечтам. Современные соцсети, для поддержания (в отличие от развития) почти не требующие живого труда — это воспение им "вечные машины", необходимые для коммунизма. Частная собственность на глобальном уровне почти сменялась взаимной, коллективной — пусть пока и олигархической. Доля и значимость творческого труда возросли, а граница между свободным и рабочим временем стёрлась.

Переход из мира рынка в мир социальных платформ даёт России некоторый шанс. При господстве рынка суверенитет — это эмиссия валюты по потребностям своей экономики, а не по разрешению внешних сил. Господство либерализма, слушающего внешним спекулянтам, исключает для России возможность рыночного суверенитета.

А в новом мире критерий суверенитета иной: наличие своей социальной платформы. Они есть у американцев и китайцев, но уже у европейцев их нет и не будет — там всё будет американско. А у нас есть свои соцсети! Да, они пока не переросли в социальные платформы и могут так и не перерасти, но теоретически этот барьер преодолим. А с сугубо рыночной точки зрения у нас в некоторой перспективе ещё сохраняется возможность создания своего макрорегиона.

Но самое главное, что когда мы из мира рыночной экономики переходим в мир социальных технологий, то это в некотором роде возвращение к феодализму. Каждая социальная платформа жёстко определяет тип мышления — не столько ценности, сколько именно тип мышления. И через некоторое время люди Фейсбука и люди Твиттера перестанут друг друга понимать. Это очень глубокий переход, который пока не осознаётся.

Деньги были основой не только экономики, но и власти. Сейчас социальные платформы уже показали: людьми можно управлять без денег. Это превратило огромный финансовый капитал в бессмысленного, раздутого и невесть что о себе воображавшего паразита, который начинает умирать, — и новый мир рождается из агонии этого паразита.

По теории, мир должен был рухнуть в глобальную депрессию ещё в начале нулевых, и эти 19 лет у неизвестности выиграл американский спекулятивный капитал. За это время он породил социальные сети и принципиально новый капитал социальных платформ. Передовая часть финансового капитала сейчас завершает перетекание в капитал социальных платформ. Она преобразит себя и мир, создав будущее, а остальной финансовый капитал умрёт.

Итак, первый уровень изменений — начало новой Великой депрессии, второй — переход от рынка в мир социальных платформ, третий — изменение человеческой психики. Мы все обалдели с программами и знаем, что у нас другой тип мышления; другие принципы переработки информации и принятия решений. Информационные технологии меняют характер личности. Помимо того, что она становится менее структурированной, а её система ценностей — неустойчивой, личность просто становится другой: её мозаичность, недавно бывшая диагнозом, для горожан уже норма. Личность начинает по-другому воспринимать мир, игнорирует свои интересы ради эмоций. Общество, сложенное из таких личностей, самоорганизуется уже по-новому: как минимум не в партии и клубы, а в секты.

Мы уже долгое время живём в условиях снижения познаваемости мира. С эпохи Возрождения такого не было никогда. Это очень интересное время, и, надеюсь, мы сможем его использовать к своей выгоде.

Возвращаясь к коронабесию, я определил бы его как чрезмерную и оттого саморазрушительную реакцию на коронавирус. Например, когда мы говорим о пандемии в ситуации, когда ни в одной стране мира, кроме Сан-Марино, нет даже эпидемии. Это гиперреакция, как аллергия. Когда руководители государств из страха перед болезнью фактически готовы обречь граждан на смерть от голода.

При этом смертность от коронавируса в 3–5 раз ниже, чем у ротавируса, например, которым многие болели в Турции или на курортах Черноморского побережья Кавказа. Мы в России и вовсе в массе своей не доживаем до возраста, когда коронавирус становится опасным. Скажем, в Европе высокую смертность дают дома престарелых, и всё равно североευропейские учёные, статистики которых можно доверять, спорят: смертность 0,12 или 0,7%. А есть статистика, скажем, Италии, демонстрирующая стремление к завыванию страховочных выплат.

Так вот, когда объективна реальность и естественные вопросы ради раздувания паники игнорируются — это коронабесие. Естественно, оно вызывает такую же аллергическую чрезмерную реакцию в виде полного отрицания специфики, а порой и существования коронавируса. Уже понятно, что коронавирусу отличается от гриппа, к примеру, тяжёлыми поражениями и изменчивостью. В моём окружении при человеке заболевают второй раз — при обычной вирусной инфекции это невозможно. Изменчивость коронавируса такова, что иммунитет,

выработанный организмом, не успевает за изменением вируса. Это аргумент в пользу его искусственного происхождения: биологическое оружие так и должно работать, чтобы не было надёжной вакцины и иммунитет не работал.

Вакцина есть, и это выдающееся достижение российской науки, ещё не до конца оптимизированной одичалыми строителями блатного феодализма. Это наша законная гордость.

Но есть две маленькие проблемы. Первая: даже вакцина от неизмеримо менее изменчивого вируса гриппа не работает против всех его штаммов. Логично предположить, что и вакцина от коронавируса не работает против всех штаммов коронавируса, тем более против тех, которые ещё не появились.

Вторая: как минимум многие выдающиеся профессиональные вирусологи сразу привили себе эту вакцину, причём сугубо в медицинских, а не экспериментальных целях. Но академик-вирусолог получает вакцину, сделанную им самим или как минимум докторами-вирусологами, а мы будем получать вакцину, произведённую олигархами или в лучшем случае докторами — организаторами здравоохранения. Разница — как между инсулином, который в небольших количествах вырабатывает лаборатория, и инсулином, который в огромных объёмах производит завод, принадлежащий олигарху, пусть и от медицины. Первый продукт будет на высочайшем мировом

мён. Сейчас мы имеем не чуму, а такую чумку, но механизм похож.

Глазьев назвал то, к чему мы приходим, интегральным мирохозяйственным укладом. Он считает, что в Азии (в основном в Китае) сочетание стратегического планирования с рыночной конкуренцией — это версия теории конвергенции. Это наминает, в моём представлении, научный коммунизм: версию всего хорошего против всего плохого. Чем отличается интегральный мирохозяйственный уклад от уходящего имперского? Имперский на своём пики был представлен двумя системами: американской (западной) и советской. 30 лет назад он начал рушиться. Сначала это выпало советской империи, а теперь то же самое происходит и с американскоцентричной имперской системой. Мы видим, что восстанавливается длинное равновесие: как в XVII веке больше половины ВВП производила Азия (Китай и Индия), так и сейчас. По всем прогнозам к 2030 г. снова 50–55% мирового ВВП будет производиться в Азии. Это называется азиатским циклом накопления капитала.

Вековые циклы накопления капитала открыл итальянский банкир Джованни Арриги. Но ещё лучше эту динамику рассмотрел историк Фернан Бродель: у него определены трёхсотлетние циклы, и он показал их в связи с военными технологиями. Военные технологии, а финансовые в ещё большей степени, опережают гражданские технологии. Возь-

мем стимул, который подкрепляет бюджетный, так как обязательства Минфина выкупаются ФРС), но эффект от этого — всего лишь немного затормозилось падение.

В Китае эмиссия пока немного меньше, а в некоторых странах ЕС — больше. Все, кроме нас, печатают деньги как сумасшедшие.

Парадокс: чтобы в долгосрочном плане стоять на месте, нужно всё быстрее и быстрее бежать. Сейчас норма инвестиций, накоплений ВВП в тех странах, которые ещё всё-таки как-то растут, должна превышать 40%. Это означает, что плата за прогресс и относительно высокий уровень жизни остаётся очень высокой. Экономика становится самодеструктивной. В этом обвиняли позднюю советскую экономику. Так и сейчас происходит.

Россия по капитализации компаний находится на уровне какого-нибудь кантона Швейцарии. Потому что все системы экономических оценок, рейтингов, аудит — всё в руках англосаксов. И они этой власти не собираются с ней делиться.

Как устроена эмиссия в других странах, и как она устроена у нас?

У нас она заблокирована. Но в любом случае с точки зрения денежно-кредитной и финансовой политики мы идём пока в режиме "встраивания" в чужую финансовую модель. С точки зрения глобальной ситуации, поскольку мы встраиваемся, мы отдаём примерно 7–8% ВВП как некоторую дань

(заглядываем в космос), мы пытаемся создать некую модель понимания мира. Мы видим сегодня две проблемы: глобальной, даже космопланетарной: уровня: мировоззренческая проблема и интеллектуальная. А всё остальное — это следствие.

Мировоззренческая проблема. Как мы представляем себе историю нашей планеты, функцию её как частицы глобальной вселенной? Как живой системы: человек-земля-вселенная? По-прежнему мы верим в то, что был случайный взрыв, и всё разлетелось, и всё в мире случайно? Ни один физик и математик не могут по теории вероятности просчитать, как это всё могло произойти случайным образом.

Второй момент: что дано человеку, в чём его смысл? Взглянем на природу: всё живёт видами, и каждый вид выполняет общую полезную задачу, каждый вид имеет свою биологическую программу. Кем-то это было заложено. В том числе и для человека, но только он упорно живёт своими законами. Ему, в отличие от всего остального живого, был дан и индивидуальный, и коллективный, и рациональный разум. Но человек не понимает, зачем живёт. Отсутствует понимание смысла и космопланетарной предназначённости человечества выдвинуто идею, что мы все живём ради экономики. Я не отрицаю экономику, но эта идея неверна.

Как выстраивает глобальную финансовую, экономическую модель? Сегодня господствует финансовый потенциал, и человек прибыл, ничего за душой у правителей мира нет, потому что самые тупые и алчные люди задали этот вектор.

Есть Римский клуб. Нас учили, что он враждебный и социализму, и человечеству. Его хозяин — Рокфеллер. Что ни предлагал этот клуб — всё поразумевало геноцид человечества: теория золотого миллиарда, ограничение рождаемости и т. д. Всё, что предлагал Римский клуб, реализовывалось. И ООН, и конференции Рио-92...

Мобилизационные мероприятия в Москве в 2020 году: в опустевших бизнес-центрах размещаются инфекционные больницы.

глобальной системе за то, что нам позволили использовать их удобные инфраструктуры для обогащения какого-то количества олигархов и "слуг народа". Здесь возникает вопрос вменяемости и адекватности наших бизнес-элит. Они готовы даже отдавать наши активы частями под внешнее управление американскому Минфину, только чтобы им позволили ещё побыть в этой системе. А поскольку система уже идёт к какому-то логическому финалу, если от неё не отцепиться, мы, как один из последних вагончиков, чуть чуть позже, но обязательно свалимся в обрыв.

Завершу на оптимистической ноте. Мне кажется, что у нас произошла вакцинация социального организма. Насколько ещё хватит — непонятно, но в 90-е годы мы прошли свой режим катастрофы и ментально представляем, что это такое. У нас в 1998 г. был режим финансового коллапса, и мы знаем, как из него выходить. Дальше всё зависит от того, воспользуемся мы историческим опытом или будем ожидать, что нам кто-то (западные страны либо Китай) подкажет, что делать.

Глазьевым разработана стратегия опережающего развития. Нам нужно, чтобы не менее чем на 50% в год росли инвестиции в новейший технологический уклад: нано-, био-, котни- и прочие технологии. Можно вспомнить исторический опыт: 30-е годы XX столетия. Тогда мы перепрыгнули через один технологический уклад, Из-за того, что тогда у нас была война, разруха, а нас не было так называемого второго техуклада. И мы сразу завезли себе заводы, американские прежде всего, в готовом виде практически (тракторные, гидростанции), и смогли развить промышленность, экономику. Сейчас мы фактически пропустили 5-й уклад — микроэлектронику. И может быть, у нас есть исторический шанс перейти к шестому, самому последнему укладу, не омертвляя капитал в уходящем пятом.

Когда спрашивают, нужно ли нам сейчас вообще вкладывать средства, ресурсы в создание современных компьютеров и подобного или вкладывать уже в технологии высшего уровня, то тут надо учитывать вопрос кадров: кому доверить эти нано-, био-, котни-? Потому что нано — это Чубайс, био — Коваленко... Но есть, к примеру, человек, который (как мы недавно услышали из уст президента) ровня Королёву и Курчатова, избрал гиперзвуковой боевой блок "Авангард" — это конструктор ракетной и ракетно-космической техники Герберт Ефремов. Другие такие люди, наверное, есть. Просто мы их не знаем. А если и знаем, то не от нас зависит, как использовать их потенциал.

Это — вопрос концентрации ресурсов.

Тем не менее, если говорить о западной экономике, в ней много неизвестного чего. В Штатах 80% ВВП — это сфера услуг. Здравоохранение занимает 20% ВВП, а у нас — 5%, хотя если считать реально, там просто день пребывания на койке стоит на порядок больше, чем у нас, то есть мы себя немножко обделяем в собственных глазах. Нам кажется, что у нас ничего нет, мы очень мелкие, ничего не можем. Но по многим направлениям мы вполне состоятельны. К примеру, у нас 250 миллиардов долларов в год — импорт. Если бы мы поставили себе цель заместить импорт, то эти деньги оставались бы в стране. Цель на верхнем уровне ставим, но и правительству и корпорациям с банками удобнее и привычнее "встраиваться" в рынок импорта и прочее — эффект котни, приехали...

Глазьев предлагает стратегию опережающего развития. И одновременно менять технологический уклад — развивать самые современные технологии.

Леонид ИВАШОВ, доктор исторических и экономических наук, президент Академии геополитических проблем.

Есть догоняющий, ускоренный вариант развития экономики. А куда стремиться нам? К той модели мировой экономики, пусть к лучшей её образцам, о которой говорят, что она зашла в тупик? Нам что делать: быстрее бежать к этому обрыву, чтобы потом рухнуть?

Дмитрий МИТЯЕВ.

Сергей Глазьев считает, что нужен интегральный строй. На мой взгляд, нам нужно получить изучить советский опыт и реинкаринировать его. Там была и вершина русской цивилизации, и самые высокие темпы роста, и блестящие решения социальных задач.

Леонид ИВАШОВ.

Занимаясь исследованием истории человечества и геополитикой как наукой междисциплинарной, которая рассматривает все стороны жизни человечества и даже не только человечества

уровне, а то и лучше, а после второго диабетики и их родственники рассказывают и про трофические язвы, и про слепоту...

Высказывается мнение, что такое явление, как коронабесие, может существовать только при наличии единого центра распространения. И как же, мол, тогда могло случиться, что разные лидеры абсолютно разных стран с разной системой проповедают одно и то же коронабесие по сдерживанию несуществующей пандемии?

Во-первых, коронабесие не войсковая операция, оно не требует единого центра управления. В Средние века были распространены психические эпидемии, при которых без всякого управляющего центра целые регионы охватывало массовое безумие. И когда сейчас в соцсетях внешне вполне доблестные люди искренне плещут, что они носили маски, но заболели и потому всех людей без масок нужно линчевать, я наглядно вижу признаки этой психической эпидемии. Поскольку руководители большинства стран, кроме, может быть, Китая и Индии, являются людьми не шибко образованными (у нас, например, даже бюллетень голосования по изменению Конституции умудрились с ошибкой напечатать), то вполне возможно, что соответствующая группа управленцев является жертвой психической эпидемии мирового масштаба.

Во-вторых, мы видим на примере вакцины от гриппа продвижение очень жёстких корпоративных интересов. Глобальная фармацевтическая индустрия является, с моей точки зрения, одной из проводящих сил этой идеи — как и капитал социальных платформ, отрабатывающий новые принципы управления человеческими обществами и даже их структурizations.

Кроме того, о чём уже было сказано: высока вероятность стремления спасти людей и себя от страха перед упомянутым глобальным переходом. Одно дело — мир рушится потому, что капитализм исчерпал себя, и мы из привычного рынка переходим в непонятно что. Это ужас неизвестности. И совсем другое дело, когда мы слышимся, как лемминги, с утёса, но в святой уверенности, что это просто болезнь и вот-вот сделают лекарство, и всё будет как раньше, "как при дедушке". Это совершенно другое самоощущение общества и соответственно совершенно другая степень его управляемости.

Дмитрий МИТЯЕВ, экономист.

Я попробую в меру своего понимания изложить подход Сергея Юрьевича Глазьева, который по уважительным причинам не смог здесь присутствовать. Вместе с тем это и мой собственный взгляд на ситуацию в рамках развиваемой Глазьевым и коллегами длинноволновой теории социально-экономической динамики.

Сейчас мы имеем достаточно уникальный кризис. Одновременно — кризис и спроса, и предложения, и механизмы, и связи, если брать чисто экономические аспекты. В этом году падение экономики в среднем по миру составляет от 5 до 8%. Это, казалось бы, не так много, но по странам ситуация складывается по-разному.

Показатели сейчас очень быстро меняются, и пока нельзя сказать, что меняются в позитивную сторону. Хотя по Китаю, как и по ряду его соседей, показатели очень радужные. Это некий феномен, нуждающийся в осмыслении.

Китай и ряд ближайших к нему стран смогли успешно бороться с кризисом. То ли это вопрос генетики, то ли вопрос социального контроля.

Падение показателей в Европе сейчас наибольшее из всех, близко к показателям США. Россия ближе к Китаю: она тоже быстро упала на 30 с лишним процентов, но сейчас подросла практически до уровня, когда пошёл спад. Китай сделал это быстрее. Это лучше, чем у других сопоставимых по размеру и уровню развития стран.

На мой взгляд, есть три режима экономического падения. Начнём с кризисного. Если брать количественно, то падение до 20% — это кризис. 25–30% — это коллапс, такое у нас случилось в 1998 году. (Сейчас в режим коллапса уже попала Великобритания.) Режим катастрофы — это 50% и более. У нас катастрофа была во время Великой Отечественной войны и в 90-е годы.

Ещё в конце 80-х годов Сергей Глазьев вместе с академиком Дмитрием Львовым и Глебом Фетисовым написали монографию, где изложили теорию технологических укладов. Эта конструкция позволяет понять, как в рамках капитализма происходит смена серьёзных вех, прежде всего технических, как действуют разные движущие силы, энергии, разные базовые технологии. Новейший технологический уклад, по Глазьеву, это новейшие конвергентные технологии. Это нано-, био-, икт-, котни-, социо — всё в "одном флаконе".

Коронавирус — пример такой технологии. Происходит эффект резонанса, когда биологические черты усиливаются социальными, психологическими и рядом других.

Мир находится на излёте индустриально-цивилизационной волны. Это очень длинные волны (500 лет). Андрей Фурсов называет современную ситуацию "кризис-матрёшкой", когда возникает эффект резонанса. На мой взгляд, вход обычно там, где выход. Если мы говорим, что у нас происходит выход из капитализма, то в капитализм Европа входила через чуму. Чума выкосила в разных странах треть населения. Сделала труд дефицитным. После чумы труд стал более дорогим, капитал стал более существенным. Всё это началось с Северной Европы, и оттуда пошла сверхдлинная волна до наших вре-

Новый выпуск журнала "Изборский клуб" (2020, №5 (81)) посвящён Сталину. Издание содержит материалы Сталинских чтений, проведенных газетой "Завтра" и телеканалом "День ТВ", а также статьи членов и экспертов Изборского клуба.

В журнал вошли такие работы, как "Патриот Сталин" Александра Проханова, "Код Сталина" Александра Нагорного и Владимира Винникова. Особенности сталинского марксизма" Александра Елисеева, "Триумф дипломатии Сталина" Игоря Шилина, "Сталин как Верховный правкомандующий" Алексея Исаева, "Сталинские спецслужбы" Александра Колпаиди, "... Даже бешеными путями": сталинский реализм" Шамиля Султанова, "Почему СССР? Почему Сталин?" Андрея Фурсова, "Мифы о Сталине: диалектика борьбы" Евгения Смишняка, "Экономика Сталина" Валентина Катасоновна, "Сталин и глобализация" Михаила Делягина, "Сталин — организатор жизни города" Екаторины Глушич, "Сталин и Ватикан" Ольги Черетиковой, "Сталин и русские" Виталия Аверьянова, "Два лидера — два парада" Александра Айвазова, "Образ Сталина в российском обществе" Вардана Багдасаряна, "Сталинизм: воспоминания и размышления" Сергея Белкина.

В разделе "Библиотекарь" можно ознакомиться с новыми книгами членов и экспертов клуба. В рубрике "Стихия" представлена поэзия сталинской эпохи.

Журнал иллюстрирован архивными и современными фотографиями, картинами и плакатами советского времени с изображением Иосифа Виссарионовича Сталина.

Справки по телефону 8-985-256-91-24